

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ Орган правления Союза советских писателей СССР ГАЗЕТА

№ 83 (3267)

Вторник, 13 июля 1954 г.

Цена 40 коп.

Правда безусловная и честная

Чехов не печатал статей по литературным вопросам, избегал публичных выступлений. Однако многочисленные его письма к известным и начинающим литераторам, к издателям, режиссерам и актерам не только раскрывают творческую лабораторию писателя, но и дают яркое представление о его взглядах на литературу.

«...Величайший мастер слова, уничтожающий критик буржуазно-помещичьего общества...», — писал о Чехове М. Н. Калинин. Чехов расценивал литературу, как «дело народное». Продолжая лучшие демократические традиции своих великих предшественников Пушкина и Гоголя, высказывая мысли, во многом близкие Белинскому и Чернышевскому, Чехов был страстным сторонником реалистического направления в русской литературе. «Художественная литература, — писал Чехов, — потому и называется художественной, что рисует жизнь такую, какова она есть на самом деле. Ее назначение — правда безусловная и честная».

Верность жизненной правде в понимании Чехова означала очень многое. Чехов постоянно говорил о необходимости для литератора глубокого знания жизни, о том, что в создании типических характеров нужно «проходить мимо всего, что имеет временное значение». Настоящий писатель должен раскрывать противоречия жизни, воевать «с отклонениями от нормы». Но при этом, утверждал Чехов, истинный художник всегда ведет читателя к определенной цели, в истинно художественном произведении читатель обязательно чувствует присутствие положительного идеала. Наличие ясной задачи Чехов считал необходимым для писателя: «Если отрицать в творчестве вопрос и намерение, то нужно признать, что художник творит непреднамеренно, без умысла, под влиянием аффекта. Если бы какой-нибудь автор похвастал мне, что он написал повесть без заранее обдуманного намерения, а только по вдохновению, то я назвал бы его сумасшедшим».

Отражение жизни во всей ее сложности и глубине в понимании Чехова несовместимо с рабским копированием, с увлечением бытом, с любованием мелочами, с натурализмом. Продолжая обличительную линию Гоголя и Салтыкова-Щедрина, он решительно отвергал бытописательство. Он говорил о трудности изображения обыкновенной жизни, обыкновенных людей, «низкой» действительности: «Про Сократа легче писать, чем про барышню или кухарку». Трудность заключалась в том, чтобы в обыкновенном, обыденном течении жизни раскрыть ее внутреннее содержание, подняться до широких обобщений. Эпигоны Чехова, стремящиеся подражать его внешним приемам — О. Дымов, П. Сургучев, Е. Чириков и др., — увлекались бытом, забывали и об обличительном нафосе творчества Чехова и о положительном чеховском идеале, ради которого писатель раскрывал противоречия действительности.

В. Г. Короленко с пренебрежением отзывался о таких чеховских «последователях»: «У Чехова тон был правильный: трагедия мелочей бралась с юмором, сквозь который просвечивало трагическое. Последователи хватаются прямо за трагедию, приподымают мелочи на неподобающую высоту — и выходят фальшь, отсутствие меры, а значит, и художественности».

Отмечая в творчестве некоторых своих современников опасность вырождения реализма в натурализм, Чехов, как и Короленко, видел эту опасность в том, что мелочи заслоняли глубину и сложность противоречий действительности. Именно поэтому он так резко критиковал пьесу И. Леонтьева-Щеглова «Дачный муж».

«Дачный муж», — писал он, — хочет и смешить, и трагедией пахнуть, и возво-

лнить турнир на высоту серьезного вопроса».

Мещанство, погрязшее в ничтожных бытовых дрязгах, не способное к борьбе за человеческое счастье, лишенное «светлых идеалов», было злейшим врагом Чехова. «Мещанскими» называл он и тех писателей, которые «льстят узенькой добродетели» обывателя и в творчестве которых сказывалось тяготение «к идеализации серенькой мещанской среды...». Рассматривая литературу, как дело большого общественного значения, Чехов непримиримо относился к декадентам, осуждал их за уход от действительности, говорил о недолговечности «российских Метерликов», у которых нет ни будущего, ни прошлого.

Все напыщенное, изломанное, бьющее на эффект и оригинальность, было глубоко враждебно великому реалисту. Так, например, одно из произведений Л. Андреева он расценивал как «нечто претенциозное, неудобопонятное и, повидимому, ненужное...».

Высказываясь против декадентской литературы, Чехов отчетливо понимал смысл всяческих попыток буржуазной беллетристики увести читателя от жизни. Он решительно осуждал романы, которые имеют целью «убаюкать буржуазию в ее золотых снах...». Буржуазия очень любит так называемые «положительные» типы и романы с благополучными концами, так как они успокаивают ее на мысли, что можно и капитал наживать и невинность соблюдать, быть зверем и в то же время счастливым».

Не в этом убаюкивании, не в удовлетворении буржуазных вкусов видел Чехов задачу истинного искусства: «Литератор не кондитер, не косметик, не увеселитель; он человек обязанный, законтрактованный сознанием своего долга и совестью», — писал Чехов, требуя от литературы служения народу.

«Вечными или просто хорошими» называл он тех писателей, творчество которых пропитано, «как соком, сознанием цели», в произведениях которых читатель чувствует «кроме жизни, какая есть», «еще ту жизнь, какая должна быть». С величайшим презрением говорил он о тех, «кто искренно думает, что высшие и отдаленные цели человеку нужны так же мало, как корове, что в этих целях «вся наша беда». Уничтожающей прощией звучат слова писателя о подобных людях, которым «остается кушать, пить, спать или, когда это надоест, разбежаться и хватить лбом об угол сундука».

Творчество самого Чехова было действительно «пропитано сознанием цели», стремлением к новой, счастливой жизни, верой в то, что приблизить ее может непримиримая борьба с мещанством, ложью, обывательским равнодушием, властью денег — всеми устоями буржуазного строя.

В искусстве Чехов видел силу, способную воздействовать на читателя, активизировать его. В этом и заключен смысл реализма: «Тогда человек станет лучше, когда вы покажете ему, каков он есть».

Вместе с тем писатель придавал серьезное значение созданию образа положительного героя, способного вдохновить читателя. В положительном герое Чехов видел важнейшее средство донести до читателя идеал писателя, показать человека таким, каким он должен быть. Вот почему он так пристально вematривался в людей, искал в самой обружающей его жизни примеры, достойные подражания. «Если положительные типы, создаваемые литературой, составляют ценный воспитательный материал, то те же самые типы, даваемые самою жизнью, стоят вне всякой цены», — писал он о великом русском

путешественнике Н. М. Пржевальском.

Люди «подвига, веры и ясно сознанный цели» составляют, по словам писателя, «самый поэтический и жизнерадостный элемент общества», которому герои, «подвижники нужны, как солнце». В человеке подвига Чехова привлекают «идейность» и «благородное честолюбие, имеющее в основе честь родины и науки».

Этими взглядами на задачи литературы определялись и высокие требования, которые Чехов предъявлял к писателям, напоминая о необходимости постоянной связи с жизнью.

«Гоните поэтов и беллетристов в деревню!.. В четырех стенах живут, а людей видят только в редакциях и в портретах», — говорил он. Как свидетельствует писатель Н. Д. Телешов, Чехов «всегда говорил, что писателю нельзя сидеть в четырех стенах и вытягивать из себя свои произведения, что необходимо видеть жизнь и людей, слышать подлинные человеческие слова и мысли и обрабатывать, а не выдумывать их».

Деятельность литератора Чехов понимал как непрерывный, упорный труд, без которого самое понятие таланта остается пустым звуком. «Талант познается не только по качеству, но и по количеству им сделанного», — писал он одному из своих корреспондентов. «Конечно, Вы дурно делаете, что ленитесь и мало пишете, — упрекал он другого. — Вы «начинающий» в полном смысле этого слова и не должны под страхом смертной казни забывать, что каждая строка в настоящем составляет капитал будущего».

Работу писателя Чехов рассматривал гораздо шире, чем только литературный труд над рукописью. Литератор должен обладать высокими моральными качествами и постоянно развивать их. Дело величайшей важности — неумолимое самовоспитание писателя, настойчивая работа над собой, которая дает писателю основание и право «воспитывающе влиять» на окружающую его среду.

Только в результате такой работы над собой можно вырастить в людях подлинно «воспитанных», которые «уважают человеческую личность», «чистосердечны и боятся лжи, как огня», «делая на грош... не носясь со своей папкой на сто рублей». «Чтобы воспитаться и не стоять ниже уровня среды, в которую попал, не достаточно прочесть только Пиквику и выдумать монолог из Фауста... Тут нужны непрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля... Тут дорог каждый час...».

Эти мысли великого писателя, рассеянные в его многочисленных письмах, поражают своей нестареющей, удивительной глубиной и правдивостью. Они и сейчас звучат, как призыв к борьбе против бескрылого бытописательства, против искусства, оторванного от жизни, против попыток противопоставить правдивость и искренность художника его борьбе за ясно осознанные высокие цели. Они и сейчас учат глубокому уважению к тому труду, который призван создать произведения, нужные народу, — произведения большого, идейного и правдивого искусства.

Е. САХАРОВА